

СНИЛСЯ ГОРОДУ КОШМАР

*Тем, кто боится войны,
и тем, кто её не боится,
посвящается*

Знак «Биологическая опасность» на облупленной жёлтой табличке был похож на расплющенного осьминога. Под «осьминогом» стояло: «Опасная зона! К морю не приближаться!» Колючка, во многих местах порванная и почти везде ржавая, оплетала деревянные и металлические заграждения, наспех сколоченные или символически прихваченные сваркой. Поспешно сооружённая когда-то баррикада тянулась через весь Приморский бульвар и набережную Корнилова до самой Артбухты. С другой стороны забор из колючки упирался в трибуны водной базы ЧФ. Проход на набережную под пешеходным мостиком загоразживал сгоревший «Урал» с номерами ВМСУ. А с той стороны заграждений мерно перекачивалось под лучами тёплого апрельского солнышка покрытое плотной плёнкой из водорослей и разложившейся органики мёртвое Чёрное море...

Вдоль баррикады на квадроцикле ехал мужчина.

Он миновал развороченный взрывом фонтан напротив Дворца пионеров, описал несколько дуг вокруг поваленных деревьев, проехался вдоль старых изодранных афиш театра Луначарского. Не доезжая до посечённой пулями гостиницы «Севастополь», он остановился.

В маленьком сквере, зажатом между гостиницей и театром, на скамейке сидела пожилая женщина и смотрела на море. Увидев её, байкер заглушил мотор и слез со своего железного коня. Мужчина был высок и молод, но описать его детальнее мешали чёрная защитная экипировка, шлем и очки. Впрочем, шлем с очками он снял и оставил на решётке багажника, тут же спрятав нижнюю часть лица в жёлтый намордник респиратора тонкой очистки. Освобождённой от мотоциклетной перчатки рукой он пригладил взъерошенные русые волосы, поправил стальную табличку «Сергей Виршиц. Координатор миссии «Исправление» на груди и направился в сквер.

Она сидела слева от лестницы, ведущей на набережную. Пожилая женщина, почти старушка. Светлая аккуратная куртка. Старомодная клетчатая юбка до лодыжек. Коричневые полуботинки. Синий вязаный берет, из-под которого выбивались белоснежно-серые пряди. Лицо, иссечённое морщинами, было спокойным. Много повидавшие на своём веку серые глаза смотрели с печальным смирением.

– Здравствуйте, Екатерина Дмитриевна. Можно присесть?

– Конечно, Серёжа. – Женщина переложила на другую сторону лежащие на скамейке потрёпанный респиратор армейского типа и металлический термос. – Хотите чаю? Настоящего. С сахаром. Из продпайка.

– Нет, благодарю.

Визитёр посмотрел на мутные воды Севастопольской бухты, посреди которой торчала рубка затопленного паромы, затем перевёл взгляд на шуршащий на ветру полиэтиленовый пакет, зацепившийся за росший в стороне куст.

– Зря вы, Екатерина Дмитриевна, респиратором не пользуетесь. Ветер сегодня с моря. «Зов Ихтиандра» нам уже не грозит, конечно, но другой заразы в воде хватает...

Вместо ответа старушка указала на стайку воробьёв, обосновавшихся в кустах под уличным фонарём.

- Птички чувят, когда опасно, а когда нет.
- Чайкам чутьё не помогло. Нет больше чаек...
- Да, вы правы, Серёжа, водоплавающие погибли. Но у них по-другому. Их рефлексы на воду завязаны...

Визитёр ещё раз посмотрел на беспечно скачущих поблизости воробьёв и тоже стянул респиратор, оставив его болтаться на шее. Некоторое время они сидели молча, впитывая покой и тишину безлюдного города.

– Екатерина Дмитриевна, я должен вам сообщить... Наша миссия не увенчалась успехом. Мы так и не смогли найти способ предотвратить катастрофу. Мы расписали хронику событий практически по минутам, начиная от объявления в Крыму референдума и до ввода в Украину войск НАТО. С вероятностью 90 % мы установили, кто стоит за терактами с применением бактериологического оружия. Но ни один из вариантов вмешательства в прошлое посредством компьютерных систем не даёт результата. Нам бы попасть туда во плоти...

Женщина повернулась и пристально посмотрела на гостя.

- Серёжа, неужели это совсем невозможно? Ведь вы же и так пришли к нам из будущего.
- К сожалению, машину времени придумали слишком поздно. Мы не можем опуститься живьём глубже, чем на шестьдесят пять лет, этому препятствуют законы темпоральной физики. Спустившись в ваш 2022-й, мы вплотную подошли к данному пределу. Ещё дальше можно проникнуть только через информационно-компьютерные сети, но инструменты влияния в виртуальном мире весьма ограничены.

– Может быть, ваши потомки усовершенствуют машину времени и преодолеют этот барьер?

– Вряд ли. Тогда бы к вам пришли не мы, а они...

Старушка вздохнула.

– Эх, запустить бы нашим идиотам-правителям эту картинку... – Она повела рукой вокруг себя, поясняя свои слова.

– Мы с этого начали. Мы предупреждали всё международное сообщество, но нам никто не поверил. Сочли это частью информационной войны. Впрочем, я уже рассказывал...

– Да-да, извините, Серёжа. – Она закрыла глаза. – Вы попытались. Спасибо вам за это.

Гость молчал, размышляя, как лучше продолжить разговор и сообщить пожилому человеку главное. В итоге он решил идти напрямик.

– Как оружие последнего шанса мы можем запустить «Торнадо». Я вам про это тоже говорил.

Екатерина Дмитриевна кивнула:

- Компьютерный вирус?
- Да. Тотальное уничтожение всего софта на планете, всех без исключения программ и баз данных.
- То есть все компьютеры выключатся? И человечество окажется в каменном веке?
- Ну, не так категорично...
- Навсегда?
- Что?
- Компьютеры выключатся навсегда?
- Нет, конечно. Технику восстановят. Но пауза даже в несколько дней может изменить ход истории.
- Этот... машинный вирус... и вправду такой непобедимый?

– Да. «Торнадо» – продукт конца XXI века, в ваше время от него не существует никакой защиты. «Торнадо» вырубит всё. Но предсказать последствия его применения, да ещё и не в своём временном потоке, невозможно...

– Серёжа, разъясните старухе, что это значит?

– Есть риск, что выйдет ещё хуже.

Женщина на скамейке округлила глаза.

– Хуже этого?! – Она ткнула указательным пальцем на мёртвую бухту.

Мужчина кивнул.

– Атомные электростанции, оставшиеся без управления. Химические производства, потерявшие контроль над процессом. Не исключена даже поспешная реакция хозяев «красной кнопки», как вы это называете. Я уже не говорю про то, что на землю могут рухнуть сотни самолётов...

– По периметру Чёрного моря погибло три миллиона человек, больше половины из них – наши, – сухим, бесцветным голосом сказала женщина. – Севастополь, Ялта, Одесса, Сочи, Новороссийск – города-призраки. Вирус, который назвали «зов Ихтиандра», не просто убивал людей, он их мучил, истязал, превращал в неразумных существ. Я видела, как их, умирающих, тянуло к морю, как они тонули в волнах прибоя и как по утонувшим телам ползли следующие... – Её голос уже дрожал, она сжала кулаки. – Я помню эти раздутые трупы, этот липкий смрад... Никто даже не пытался их хоронить. По набережной бегали стаи крыс. Это был ад на земле!

– Екатерина Дмитриевна... – вкрадчиво попытался остановить её Виршиц, но собеседница, всхлипывая, продолжала:

– За Армянском и Чонгаром украинская армия поставила заградотряды, они просто стреляли в беженцев. Там были горы трупов. Так они пытались не пустить заразу на континент, но море... Из моря этот вирус пришёл и, сделав тут своё дело, по морю ушёл убивать людей дальше. Мы, уцелевшие, два месяца занимались погребением, пока сюда под флагом ООН не пришли русские войска РХБЗ и германский батальон АВС. Это было зимой 2016-го. А потом накатил вторичная волна следующим летом, она добила выживших. Осталось только пятьсот человек. Из. Всего. Города.

Последние слова она произнесла особенно выделяя. Голос старушки дрожал. Сергей дотянулся до термоса, отвинтил крышку и налил в неё чай.

– Выпейте, пожалуйста.

Он вложил дымящуюся ёмкость ей в руку. Екатерина Дмитриевна машинально взяла, отхлебнула чай.

– Мы изучили массу материалов. Поверьте, мы знаем, как это было...

– Вы – знаете, а я видела всё собственными глазами... И вижу сейчас. Там, посмотрите же, там до сих пор белеют кости и черепа...

Её руки дрожали, едва не расплёскивая чай. Екатерина Дмитриевна закрыла глаза и стала глубоко дышать. Потом сделала несколько маленьких глотков. Виршиц ждал, глядя на плывущие над обелиском «Штык и парус» облака. Когда, по его мнению, старушка успокоилась, он достал электронный планшет, тронул сенсор включения записи.

– Екатерина Дмитриевна, мне необходимо ваше официальное согласие на применение «Торнадо».

– Делайте, что считаете нужным. Не возражаю.

– Спасибо. Мы обязательно известим вас о начале этой операции и предоставим место в темпоральном убежище.

– Где-где?

– Екатерина Дмитриевна, мы меняем прошлое. Меняем не точечно, а глобально. Настоящее будет непредсказуемо иным. В новой линии реальности вас может не оказаться. В темпоральном убежище вам гарантирована безопасность...

– Я никуда не пойду, Серёжа. Запускайте ваш «Торнадо», а я... я буду здесь.

– Но шансы...

– Нет. – В голосе старой женщины зазвучал металл. – Это моё решение.

– Хорошо. Скажу прямо. Оставаясь вне темпорального убежища, вы подписываете себе смертный приговор.

– Пусть. Я останусь со своим городом.

Пришелец из будущего хотел снова возразить, но, взглянув на блестящие глаза старушки, осёкся.

– В таком случае могу я предложить вам... исполнить... последнюю просьбу? Разумеется, в пределах наших возможностей и с учётом обстоятельств...

Она посмотрела на собеседника и неожиданно улыбнулась.

– Мы с мужем очень любили композитора Рыбникова. Мы даже познакомились благодаря его музыке. Это, кстати, случилось здесь, неподалёку, около Дворца пионеров. Там был детский праздник и звучала песня «Млечный Путь». Мы с Мишей шли с разных сторон и остановились послушать. Это было в год Олимпиады, в 1980-м, 1 июня. А через год мы поженились, через два родился Лёшка... Как же хорошо тогда было... Как мы были счастливы... Боже, сколько лет прошло, а я всё так отчётливо помню. – Она разом погрузилась, у глаз прорезались глубокие морщины... – Лёша погиб при защите Одессы в 2015-м, Мишу убил вирус. Он... ушёл туда.

Она смотрела в сторону моря, и из глаз её катились слёзы.

У пришельца из будущего, несмотря на опыт и усиленную психологическую подготовку, к горлу подступил комок.

– Я найду вам эту музыку, – сказал он. – Может быть, что-то ещё?

Екатерина Дмитриевна закрыла лицо стареньким, но чистым носовым платком, извлечённым из кармана, и отрицательно покачала головой. Чуть помедлив, визитёр встал.

– Извините, я пойду. Мы обходим всех ваших. Мне как координатору проекта достались отшельн... – он осёкся, тут же поправился: – Досталась самая трудная часть работы. До свидания!

– Всего хорошего, Серёжа.

Он снова надел респиратор, встал и, не оглядываясь, зашагал к квадроциклу.

В его личном списке значилось ещё 62 имени.

Екатерина Дмитриевна Савишникова сидела на том же самом месте, что и два дня назад. Тот же термос. Тот же снятый респиратор. Виршиц подошёл к ней и поздоровался.

– Присаживайтесь, Серёжа!

Гость сел на скамью. Снял свой респиратор. Начал с официального тона:

– Завтра ровно в полдень мы запустим «Торнадо». Вы не надумали перебраться в темпоральное убежище нашего центра?

– Нет, не надумала. Я не вижу смысла цепляться за жизнь. За такую жизнь...

– Ну почему вы все такие? – Кажется, впервые у координатора по-настоящему не выдержали нервы. – Все жители этого города. Все 394 человека... Абсолютно все дали добро на использование «Торнадо», и ни один не согласился отправиться в укрытие. Будто это есть... Как там в старинной песне... «Последний и решительный бой». Но это – не бой! Воевать больше не с кем. Это глупость – раствориться в альтернативном хронопотоке. Я не понимаю...

– Серёжа, да вы не волнуйтесь. Нам очень хочется, чтобы в этот раз, ребята, вам повезло больше.

Виршиц удивлённо посмотрел на собеседницу.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы такие хорошие, ребята. Вежливые, корректные, спокойные. Бойтесь открыть нам правду о том, что мы тут все поголовно результат вашего вмешательства в прошлое. Всё что вам удалось – дать иллюзию жизни нескольким сотням людей, которые в первоначальной версии умерли, как и все остальные.

Иновременянин был поражён.

– Но откуда вы про это знаете?

– Серёжа, мне каждую ночь снится моя смерть на скалах Фиолента. «Зов Ихтиандра»... Я атеистка, но мне очень хочется верить в кару божию для того человека, кто придумал этот кошмар. Эту нестерпимую боль, эту нехватку воздуха и неутолимую жажду... – Она закрыла лицо руками. – Вы знаете, Серёжа, я умирала долго. Меня ели крабы, клевали чайки. Они добивали меня, а моя отравленная плоть убивала их. В этой... версии я выжила. Нам дали экспериментальное лекарство в российском госпитале, и оно помогло. Осталось в живых пятьсот человек, а триста пятьдесят тысяч умерли. Мы голодали, мы мёрзли, часть погибла, но остальные выдержали. Нам скидывали гуманитарку, нас приезжали изучать какие-то учёные из Евросоюза. Я всё это прекрасно помню. И ваше появление тоже. Всё реально, всё было со мной, но... Но по ночам мне снится, как меня тянет в море. Я, задыхаясь и корчась от боли, ползу по красной фиолентовской земле, чтобы сброситься вниз со скалы. И я знаю, что это тоже реальность.

Координатор «Исправления» долго молчал. Затем сказал:

– Мне жаль. Мы хотели сделать доступной вакцину и успеть в срок – это был один из вариантов решения задачи, но он не сработал. За исключением вашей группы. До этого были и другие попытки, другие проекты. Все безуспешные. По правилам исправлять прошлое несколько раз подряд запрещено, но ситуация здесь исключительная. Вот эти неудачные эксперименты наслоились и вылились в ваши сновидения.

– Может быть, получится с «Торнадо»...

– Мы надеемся.

Пришелец вынул из кармана плоскую пластину портативного проигрывателя.

– Вот. Антология Рыбникова. Разберётесь?

– Разберусь, Серёжа. До катастрофы сын подарил мне смартфон. Не думаю, что тут сложнее. Спасибо вам огромное. – Она положила свою сухую старческую руку поверх его. – Делайте что должны, и будь что будет.

Он кивнул на прощанье и поднялся. Звук квадроцикла очень скоро стих в отдалении.

На Большой Морской цвели каштаны. Город, достойный поклонения, спал, пережив свой самый страшный в истории кошмар. Они — люди из будущего – так хотели помочь ему проснуться, ожить снующими по улицам машинами, заговорить голосами многих тысяч людей...

Однако пока в ожидающем чуда городе было тихо. И только в сквере, рядом с пустующим театром Луначарского, звучала прекрасная мелодия, словно пронзающая пространство и время...

*Как будто по ступенькам всё выше и вперёд
Из детства постепенно нас юность уведёт.
И, стоя на пороге, решай, куда шагнуть.
А нас позвал в дорогу далёкий Млечный Путь.*

*Нас ночь тревожит снами волшебными почти.
Мы катимся на санках по Млечному Пути.
И боязно немного, и ветер хлещет в грудь.
Зовёт, зовёт в дорогу далёкий Млечный Путь.*

10–16 марта 2014